

ПОЛИТИКА ИРАНА В СИРИИ

© БОГАЧЕВА А.С., 2020

БОГАЧЕВА Анастасия Сергеевна, лаборант-исследователь Группы изучения региональных отношений Лаборатории “Центр ближневосточных исследований”.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (anastasia.s.bogacheva@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0556-6719.

Богачева А.С. Политика Ирана в Сирии.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 1, сс. 74-80. DOI: 10.20542/afj-2020-1-74-80

DOI: 10.20542/afj-2020-1-74-80

УДК: 327(55)+(569.1)

Статья поступила в редакцию 24.01.2020.

Тесное сближение между Сирией и Ираном началось в последние два десятилетия в связи с нарастающим давлением США на обе страны. С началом сирийского кризиса в 2011 г. двусторонние отношения приобрели характер стратегических. Политика, реализуемая иранским руководством в Сирийской Арабской Республике (САР), прошла несколько этапов, на каждом из которых она корректировалась в соответствии с меняющейся обстановкой в регионе Ближнего и Среднего Востока. В статье рассматриваются эволюция иранского вмешательства в сирийский кризис, военно-политические, экономические и территориальные интересы Ирана в Сирии. Поскольку в САР также присутствуют игроки, заинтересованные в уменьшении влияния Тегерана, Иран старается сочетать тесное взаимодействие с официальным Дамаском с укреплением своих позиций в ряде сирийских регионов, не контролируемых Б. Асадом, где местные жители и власти приветствуют иранское присутствие. Тем самым Исламская Республика Иран стремится гарантировать сохранение своего влияния в постконфликтной Сирии.

Ключевые слова: Иран, Сирия, иранская политика в Сирии, “Хезболла”, “Ось сопротивления”.

Иран и Сирия – исторически, политически и географически связанные друг с другом государства, дипломатические отношения между которыми были установлены в 1946 г., когда Сирия стала официально независимой от Франции. При этом Иран имел свое консульство в Дамаске и в период французского мандата. В 1975 г. было подписано сирийско-иранское соглашение о двустороннем сотрудничестве [1, pp. 42-43]. С начала 1980-х годов отмечается усиление их политического взаимодействия. Тесное сотрудничество стало возможным благодаря враждебному отношению обеих стран к Ираку (соперничество между сирийской и иракской партиями БААС продолжалось с 1966 г., когда в результате переворота власть в Сирии перешла к левому крылу партии, а иракское отделение партии отказалось его признавать). Дамаск стал поддерживать антишахские силы в Иране еще с конца 1970-х годов, а после победы там исламской революции в 1979 г. обрел союзника в лице нового руководства. Сирия первой из арабских стран официально признала Исламскую Республику и впоследствии поддерживала ее в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Кроме того, после исламской революции общая антииракская повестка была дополнена антиамериканской и антиизраильской [2, pp. 40-46]. Затем в сирийско-иранских отношениях последовал период некоторого охлаждения.

Сближение продолжилось вновь после смерти президента САР Хафеза Асада в 2000 г. и перехода власти к его сыну Башару [3, с. 115]. После вторжения США и их союзников в Ирак в 2003 г. “стратегическое взаимодействие” между Ираном и Сирией на официальном уровне

возобновилось, так как для них актуализировался “антиамериканский” фактор, который они восприняли как угрозу собственной безопасности и своим интересам в регионе Ближнего и Среднего Востока. С выводом из Ливана сирийских войск в 2005 г. более активную роль в регионе стала играть ливанская шиитская организация “Хезболла”, тесно связанная с Тегераном.

Постепенно начала складываться “Ось сопротивления”, она же “михвар-е могавэмаат” и “мехвар аль-мукавамаат” (термин впервые был употреблен на арабском языке в ливийской газете, а затем получил широкое распространение в иранских СМИ) – альянс, объединивший Иран, Сирию, иракские шиитские ополчения, ливанскую “Хезболлу” и йеменское движение хуситов [4, р. 212]. И хотя “Ось” по существу оказалась ситуативным альянсом, обусловленным общностью геополитических представлений ее участников, ведущую роль в ней играет Исламская Республика Иран (ИРИ). Общая цель всех ее участников – противодействие проекту американо-израильского доминирования на Ближнем Востоке [5, р. 13].

Сирийский кризис, разразившийся весной 2011 г., был истолкован в Иране как производная американской политики. Все участники “Оси”, включая хуситов [6], выразили поддержку правительству Башара Асада и направили в Сирию боевые формирования.

В Иране решение о прямом вмешательстве было принято далеко не сразу, и сначала Тегеран ограничивался заявлениями о безусловной поддержке действующего руководства САР. Однако по мере углубления кризиса – активизации действий оппозиции, направленных против Б. Асада – Иран стал важным игроком на сирийской арене. Этому способствовало усиление запрещенных в Российской Федерации террористической организации ИГИЛ, “Ан-Нусры” и прочих аффилированных с ними экстремистских группировок на территории Сирии и Ирака, которое потребовало углубления взаимодействия правительственных структур САР с силами иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и его специальным подразделением “Аль-Кудс” [7, р. 3]. Со временем двустороннее сотрудничество, став всесторонним, приобрело военно-политическое, экономическое и территориальное измерения.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Политику Ирана в Сирии с 2011 г. по настоящее время можно разделить на четыре этапа, для каждого из которых характерна определенная степень вовлеченности ИРИ в сирийский кризис [8, р. 15]. Так, на первом этапе (2011–2012 гг.) Тегеран воздерживался от открытого вмешательства в конфликт между официальным правительством САР и оппозицией. Поддержка Б. Асада, хоть и была безоговорочной, но ограничивалась заявлениями отдельных высокопоставленных лиц в ИРИ, дипломатическими и военными консультациями, которые в основном касались вопросов формирования и подготовки армии САР к обороне важнейших объектов.

На втором этапе (2012–2015 гг.) в основу политики ИРИ легла стратегия так называемой регионализации, в соответствии с которой на помощь сирийскому правительству были направлены бойцы шиитских группировок на местах (“Лива Зайнабийюн”, “Фатимийюн”, “Харакят Ан-Нуджаба”, “Асаиб Ахль аль-Хакк”). В свою очередь, президент Ирана Хасан Роухани в выступлении, приуроченном к его инаугурации 3 августа 2013 г., заявил о стратегическом характере отношений двух стран и намерении углубить взаимодействие с Сирией [9, р. 141].

На третьем этапе (2015–2018 гг.) Иран стал частично координировать усилия с Россией в рамках военной операции ВС РФ в Сирии, что привело к фактическому поражению ИГИЛ и союзных сил, представленных такими исламистскими группировками, как “Джебхат ан-Нусра”, “Джейш аль-Ислам”, “Ахрар аш-Шам”, “Джебхат аль-Исламия” и “Джейш аль-Фатх”.

Четвертый этап (с весны 2018 г.) – этап затухания конфликта в Сирии, когда на первый план вышло соперничество за влияние в стране между внешними игроками, в рамках которого перед Ираном стоит задача сохранить и усилить имеющиеся политические и экономические позиции в САР. За годы кризиса военная поддержка Тегерана стала для Дамаска одной из

важнейших опор (наряду с российской). В частности, значительно расширилось военно-техническое сотрудничество двух государств. По состоянию на январь 2020 г. на территории Сирии остаются части вооруженных сил ИРИ и КСИР, а также шиитские ополчения из Ирака, Пакистана и Афганистана.

Политика ИРИ в Сирии определяется следующими структурами: Канцелярией верховного лидера Ирана, Корпусом стражей исламской революции, министерством обороны, министерством иностранных дел, Высшим советом национальной безопасности и парламентской комиссией по вопросам национальной безопасности и внешней политике. При этом, несмотря на вовлеченность в сирийскую кампанию ряда представителей силовых структур ИРИ, по оценкам многих экспертов, важная роль в реализации политики Ирана в САР принадлежала генералу Касему Сулеймани – командующему специального подразделения КСИР “Аль-Кудс”. Он на протяжении всей войны координировал деятельность большинства внешних проиранских сил в САР – союзных “Аль-Кудс” шиитских группировок, среди которых “Хезболла”, пакистанской “Лива Зайнабиюн”, афганской “Фатимийюн”, иракских “Харакят Ан-Нуджаба”, “Асаиб Ахль аль-Хакк” и др. [10; 11, pp. 36-37] По различным оценкам, общая численность бойцов таких группировок в совокупности составляет 60–120 тыс. человек [12; 13].

После гибели К. Сулеймани 3 января 2020 г. в результате авиаудара США по аэропорту Багдада руководство “Аль-Кудс” перешло к его заместителю – генералу Исмаилу Каани. Назначение состоялось в тот же день, по итогам экстренного заседания Высшего совета национальной безопасности ИРИ. Оно свидетельствует о намерении обеспечить преемственность проводимого Сулеймани курса.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Экономические связи в докризисный период сводились главным образом к наращиванию объемов торговли Ирана с официальным Дамаском. По состоянию на 2010 г. объем двусторонней торговли составил 800 млн евро. В 2011 г. был подписан меморандум о взаимопонимании в области торговли природным газом на 10 млрд долл. США, заключено соглашение о создании зоны свободной торговли.

В 2012 г. сирийское правительство подписало контракт с иранской компанией *MEPNA* на строительство электростанции стоимостью 400 млн евро [14, p. 3]. Кроме того, заключен ряд отдельных соглашений о поставках электроэнергии между Ираном, Ираком и Сирией, что также указывает на серьезность намерений ИРИ и частичную реализацию внешнеполитических амбиций иранского руководства.

В условиях западных антииранских санкций Сирия является для ИРИ одним из наиболее перспективных рынков. При этом экономические интересы Ирана в Сирии сталкиваются с экономическими интересами других глобальных и региональных игроков (в первую очередь России, Турции, США). Тегеран делает ставку главным образом на официальный Дамаск, а также на некоторых представителей сирийских племен. Хотя правительство Б. Асада относится к любым экономическим инициативам Тегерана весьма настороженно, поскольку иранское влияние в стране и без того велико, тем не менее оно не может игнорировать растущее присутствие Ирана в сирийской экономике.

По заявлению советника верховного лидера ИРИ по международным делам Али Акбара Велаяти, размер ежегодной финансовой помощи Сирии с 2012 г. составляет 8 млн долл. США (без учета финансирования, выделяемого КСИР на поддержку и зарплаты “солдат” специального подразделения “Аль-Кудс”, ливанской “Хезболлы”, “Фатимийюн”, “Зайнабиюн” и др.) [14, p. 3]. В то же время за период 2012–2018 гг. общая стоимость сирийской кампании составила около 84 млн долл. [15]

Основной формой помощи, предоставляемой Сирии Ираном, являются целевые кредиты. Однако не меньшее значение (как для САР, так и для ИРИ) имеет финансовая поддержка иранской стороной местного бизнеса, государственных компаний и частных организаций.

Кроме того, из Ирана в Сирию осуществляются поставки военной техники и боеприпасов, топлива, электроэнергии и сельскохозяйственной продукции либо в обмен на возможность для Тегерана наращивать свой бизнес в Сирии, либо в расчете на расширение иранского политического влияния в сирийских регионах. Между двумя странами подписана серия двусторонних соглашений о сотрудничестве (в том числе меморандумы о взаимопонимании и всестороннем сотрудничестве в сфере энергетики, строительства и другие). Разумеется, подобные соглашения призваны еще больше углубить сирийско-иранское взаимодействие, так как очевидно, что на реализацию этих проектов потребуется не один год. Например, планируется синхронизировать работу электросетей двух стран, обеспечив тем самым возможность передачи электроэнергии из Ирана в Сирию. На стадии разработки находится инфраструктурный проект по строительству и вводу в эксплуатацию железнодорожной сети, которая в перспективе соединит порты Бандар Хомейни, на побережье Персидского Залива и Латакия, на Средиземном море. Проект также предполагает восстановление за счет ИРИ уже имеющейся на территории Сирии и Ирака железнодорожной сети [16].

На долгосрочность экономических планов Тегерана указывает и то, что с 2012 г. значительно повысился спрос на сирийскую жилую и коммерческую недвижимость и земельные участки среди иранских частных лиц. Заключены межправительственные соглашения о строительстве иранской стороной нескольких сотен зданий в крупных городах: в одном только Дамаске 200 тыс. единиц как квартир, так и частных домовладений [17, р. 4].

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Военное присутствие иранских сил и союзных им группировок сконцентрировано главным образом в центральной и юго-восточной областях Сирии. В то же время оно минимально или отсутствует в таких провинциях, как Алеппо, Латакия, Тартус и Эль-Хасака.

Таблица 1. Распределение иранских сил и союзных им группировок по провинциям САР

	Провинции, зоны влияния		
Наибольшее присутствие	Дейр эз-Зор: Иран		Хомс: Иран, США
Смешанное присутствие	Идлиб: Турция, силы сирийской оппозиции, Россия, (сохраняются наблюдательные посты) Иран, силы официального правительства САР		Дераа, Ракка, Хама, Алеппо: Силы официального правительства САР, Россия, Иран, Турция
Наименьшее присутствие	Эль-Хасака: США, курдские силы	Тартус, Латакия: Россия	Дамаск, Риф Дамаск, Эль-Кунейтра, Эс-Сувейда: Силы официального правительства САР

Источник: составлено по данным [18; 19; 20; 21].

По данным на декабрь 2019 г., наибольшее влияние Ирана, обусловленное военным присутствием на местах, распространялось на провинции Дейр эз-Зор и Хомс [18]. В частности, в Дейр эз-Зор и Хомсе представлены силы ливанской и сирийской "Хезболлы", "Аль-Кудс", "Лива Фатимийюн", а также силы некоторых иракских шиитских ополчений. Попытки наращивания лояльных ИРИ сил привели к столкновениям с проправительственными силами Сирии.

Стратегическая важность военного присутствия в данных провинциях объясняется близостью дислокации войск Соединенных Штатов в провинции Эль-Хасака и на юго-востоке Хомса (позиционный район близ военной базы международной коалиции Эт-Танф) [21]. Кроме того, в 2019 г. были зафиксированы столкновения проиранских шиитских ополчений Ирака "Катаиб ансар аль-Хиджа" и "Сорайя Ашура" с осколками ИГИЛ на территориях вдоль западной границы Сирии близ контрольно-пропускного пункта Тель Сафук и приграничном районе Акашат с участием шиитских ополчений "Харакят аль-Абдал", "Харакат Ансар Алла аль-Авфия", "Сорайя аль-Джихад" и др. [10]

В меньшей степени влияние Ирана распространяется на провинции Дераа, Хама, Алеппо и Эр-Ракка. Данные территории представляют собой зону смешанного влияния сил сирийского официального правительства, Турции и Ирана [19].

В Дераа, на юге Сирии, в 2018 г. силы КСИР и таких шиитских проиранских ополчений, как “Лива Фатемийюн”, “Лива аль-Имам аль-Хусейн”, а также силы ливанской “Хезболлы” вместе с проправительственными силами САР и сирийскими шиитскими группировками приняли участие в наступлении против вооруженной оппозиции, продолжавшемся до июля 2018 г. [10] Проиранские силы (главным образом “Хезболла”) присутствуют в провинции до сих пор, имеет место конкуренция за влияние между ними и 5-м Штурмовым корпусом сирийской правительственной армии – элитным подразделением, состоящим исключительно из добровольцев, поддерживаемым РФ и Ираном [20].

Поселения Эль-Фуа и Кефрая в районе Идлиба были одними из немногих с преимущественно шиитским населением и во время осады 2015–2018 гг. защищались бойцами ливанской и сирийской “Хезболлы” [10]. На декабрь 2019 г. Идлиб оставался последней провинцией, на территории которой находились многочисленные силы вооруженных сторонников сирийской оппозиции. Несмотря на то, что наибольшим влиянием в провинции пользуются протурецкие группировки исламистского толка и силы бывшей “Ан-Нусры”, в соседних провинциях Хама, Алеппо и Эр-Ракка сосредоточено значительное число наблюдательных постов ИРИ.

Кроме того, по сообщениям многих западных источников [5; 10; 22], с 2015 г. регулярные силы КСИР и специального подразделения “Аль-Кудс”, а также отряды ливанской “Хезболлы”, силы иракских шиитских ополчений, “Лива Фатемийюн” и местные группировки, контролируемые ливанской “Хезболлой”, стремятся открыть новый фронт в районе Голан с целью начала прямого противостояния с Израилем. Также потенциально интересной для ИРИ и проиранских сил считается зона племенных территорий на востоке Сирии, ввиду наличия там лояльного им племени *баггара* и неоднократных случаев вербовки представителей местных племен в шиитские организации.

* * *

Политика, реализуемая правительством ИРИ в САР, претерпевала изменения на протяжении всего сирийского конфликта. Степень вовлеченности ИРИ в сирийский кризис прошла к настоящему моменту несколько стадий – от минимального участия до постоянного, санкционированного правительством Б. Асада военного присутствия в стране.

Текущая стадия конфликта не расценивается Тегераном как окончательная. В отличие от внерегиональных игроков, безопасность ИРИ связана с ситуацией в Сирии гораздо теснее. Единственной местной силой, способной обеспечить соблюдение интересов Ирана в сфере безопасности, является правительство Б. Асада. Правительству САР и его союзникам еще только предстоит вернуть под свой контроль ряд территорий. Соответственно, в интересах Тегерана и близких к нему шиитских группировок укрепить в Сирии собственные позиции, не потеряв при этом связь с дружественными им сирийскими силами, а также ни в коем случае не допустить фрагментации страны.

Тегеран предпринимает попытки закрепиться на местах и заручиться поддержкой сирийских племен. Союзные ИРИ шиитские группировки также вряд ли покинут САР или будут расформированы в ближайшее время. Вероятнее всего, они сохраняют влияние и продолжают действовать в качестве проводников политики Тегерана.

Таким образом, приоритеты и перспективы Ирана в Сирии в ближайшем будущем будут зависеть от региональной обстановки. При этом определяющим фактором становятся уже устоявшиеся представления о врагах и потенциальных союзниках.

Однако в перспективе помимо традиционных врагов у ИРИ могут появиться новые, интересы Тегерана уже отчасти расходятся с задачами Анкары и Москвы, которые также стремятся к усилению своего влияния в САР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ganji B. *Politics of Confrontation: The Foreign Policy of the USA and Revolutionary Iran*. London, I.B. Tauris, 2012. 320 p.
2. Goodarzi J.M. Syria and Iran: Alliance Cooperation in a Changing Regional Environment. *Ortadoğu Ettlari*, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 31-54.
3. Ахмедов В.М. *Сирия на рубеже столетий. Власть и политика*. Москва, Асти-издат, 2003. 172 с. [Akhmedov V.M. *Siriya na rubezhe stoletii. Vlast' i politika* [Syria at the Turn of the Century. Power and Politics]. Moscow, Asti-izdat, 2003. 172 p.]
4. Uzun Ö.S., Ekşi M. Continuities and Changes in Iran's Foreign Policy: Analysis of Syrian Case. *Journal of Regional Studies*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 205-228.
5. Risseuw R. *The Syrian-Iranian Nexus: A Historical Overview of Strategic Cooperation*. Brussels, Brussels International Center for Research and Human Rights, 2018. 16 p.
6. Solomon A.B. Report: Yemen Houthis Fighting for Assad in Syria. *The Jerusalem Post*, 31.05.2013. Available at: <https://www.jpost.com/Middle-East/Report-Yemen-Houthis-fighting-for-Assad-in-Syria-315005> (accessed 17.10.2019).
7. Азизи Х. Иран в Сирии: лица, принимающие решения, интересы и приоритеты. *Материалы дискуссии по итогам семинара "Новая динамика безопасности и политическое урегулирование в Сирии"*. Сиракузы, Женевский центр политики и безопасности – GCSP, 2018. 6 с. [Azizi H. Iran v Sirii: lica, primajushhie reshenija, interesy i priority [Iran in Syria: Decision-Making Actors, Interests and Priorities]. *Materialy diskussii po itogam seminaru "Novaja dinamika bezopasnosti i politicheskoe uregulirovanie v Sirii"* [Discussion Paper for the Workshop on: "The Emerging Security Dynamics and the Political Settlement in Syria"]. Syracuse, Geneva Centre for Security Policy – GCSP, 2018. 6 p.] Available at: <https://dam.gcsp.ch/files/2y10pMuQcLqNZAvPWKqso8aoT7rS247JPKRjvH3TY8mcHygwdX9PG8C> (accessed 28.02.2019).
8. Ahmadian H., Mohseni P. Iran's Syria Strategy: the Evolution of Deterrence. *International Affairs*, 2019, vol. 95, no. 2, pp. 341-364. DOI: 10.1093/ia/iyy271
9. Al-Moussawi A.H. Iran and the Syrian Crisis. *Journal of US-China Public Administration*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 136-144. DOI: 10.17265/1548-6591/2017.03.002
10. *The Shia Militia Mapping Project*. Available at: <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1KanwykNx7VvKQUN52zNSmj6qxNL7IYwsr&ll=33.479132280439664%2C36.32195224195232&z=14> (accessed 17.10.2019).
11. Katzman K. *Iran's Foreign and Defense Policies*. Washington, Congressional Research Service, 2019. 68 p.
12. Игнатенко А.А. Новый раскол на Ближнем Востоке. *Независимая газета*, 10.10.2017. [Ignatenko A.A. Novyi raskol na Blizhnem Vostoke [The New Split in the Middle East]. *Nezavisimaya gazeta*, 10.10.2017]. Available at: http://www.ng.ru/kartblansh/2017-10-10/3_7091_kartblansh.html (accessed: 10.10.2019).
13. Juneau T. *Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory*. Abingdon, Mediterranean Politics, 2018. 20 p. DOI: 10.1080/13629395.2018.1479362
14. Hatahet S. *Russia and Iran. Economic Influence in Syria*. London, Chatham House, 2019. 24 p.
15. Matin K. *Iran to Suffer Most in Syria*. People's Mojahedin Organization of Iran, 04.14.2018. Available at: <https://english.mojahedin.org/newsen/63978/Iran-To-Suffer-Most-In-Syria> (accessed 17.10.2019).
16. Субботин И.А. Альянс Ирана и Сирии встает на новые рельсы. *Независимая газета*, 05.11.2019. [Subbotin I.A. Al'yans Irana i Sirii vstaet na novye rel'sy [The Alliance between Iran and Syria Rises to a New Track]. *Nezavisimaya gazeta*, 05.11.2019.] Available at: http://www.ng.ru/world/2019-11-05/1_7718_alliance.html (accessed: 20.11.2019).
17. Ansari A., Bassiri-Tabrizi A. The View from Tehran. *Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict*. London, Royal United Services Institute, 2016. pp. 3-11.
18. *Map of Syrian Civil War*. Available at: <https://syria.liveuamap.com/en/2019/28-december-syrian-opposition-forces-are-launching-a-counterattack> (accessed 20.12.2019).
19. *Map of Military Influence in Syria*. 01.01.2020. Available at: <http://jusoor.co/details/Map%20of%20military%20influence%20in%20Syria%2001-01-2020/532/en> (accessed 08.01.2020).
20. Saban N. *Control and Influence Changes after Operation "Peace Spring"*. Omran Center for Strategic Studies, 18.12.2019. Available at: <https://omranstudies.org/publications/reports/control-and-influence-changes-after-operation-peace-spring.html> (accessed 08.01.2020).
21. *Al-Tanf, Syria*. International Crisis Group, 02.01.2020. Available at: <https://www.crisisgroup.org/trigger-list/iran-us-trigger-list/flashpoints/al-tanf-syria> (accessed 08.01.2020).
22. Spyer J. Iran Opens a Second Front along Israel's Border. *The Wall Street Journal*, 02.10.2020. Available at: <https://www.wsj.com/articles/iran-opens-a-second-front-along-israels-border-11570056375> (accessed 18.12.2019).

IRAN'S POLICY IN SYRIA**(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 1, pp. 74-80)****Received 24.01.2020.**

Anastasia S. BOGACHEVA (anastasia.s.bogacheva@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0556-6719, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Diplomatic relations between Iran and Syria were established in 1946, but their close rapprochement started only at the beginning of the XXI century, due to the growing pressure on both countries from the United States. Since that time their ties had been significantly strengthened, and with the onset of the Syrian crisis, the relations became strategic. Syria and Iran as closest partners adhere to the "axis of resistance". The policy implemented by the Iranian government in Syria since 2011 went through several patterns, on each stage it was adjusted to the changing regional situation. The article discusses the evolution of Iranian intervention in the Syrian crisis, its military-political, economic and territorial interests. So there is an Iranian entry into civilian structures, political and security apparatus and into the army; Iranians are actively purchasing land and real estate in Syria in order to improve their positions on the ground. In addition, Iran is expanding its economic presence through annual financial assistance to the Syrian government and investment as well as provides support to local businesses. At the local level, Iran's positions in late 2019 were the strongest in the provinces of Deir az-Zor and Homs. At the same time, there are both types of forces in Syria: those interested in reducing Iranian influence as well as forces, preferring to strengthen the impact of Iranian factor. Therefore, to guarantee Iranian influence in post-conflict Syria the Iranian and pro-Iranian forces are pursuing cooperation with official Syrian Government and at the same time trying to increase their presence in the country and enhance local ties.

Keywords: Iran, Syria, Iranian politics in Syria, Hezbollah, Axis of resistance.

About author:

Anastasia S. BOGACHEVA, Research Assistant, Regional Relations Research Group, Laboratory "Center of the Middle East Studies".

DOI: 10.20542/afj-2020-1-74-80